

www.volsu.ru

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.1.1>

UDC 903.5(574.11)

LBC 63.5(5Каз)

Submitted: 18.03.2016

Accepted: 30.08.2016

**MOUND No. 24 OF THE ALEBASTROVO I BURIAL GROUND
AND THE PROBLEM OF SUCCESSION
AMONG THE EARLY NOMADIC CULTURES OF THE SOUTHERN URALS
IN THE 6th – 4th AND 3rd – 1st CENTURIES BC**

Denis V. Maryksin

West-Kazakhstan Regional Centre of History and Archaeology, Uralsk, Republic of Kazakhstan

Vitaliy K. Fedorov

Academy of Economics, Law and Humanities, Ufa, Russian Federation

Abstract. The article focuses on one of the burial mounds – Alebastrovo I, which is situated in the middle reaches of the Ural river. The analysis of the burial rite and grave goods reveals the combination of features peculiar of the culture of early nomads from the 6th to the 4th centuries BC and later features typical for the 3rd – 1st centuries BC. The collective nature of the burial in a large square pit (burial no. 2) relates to early features. Such burials are typical for the 5th and 4th centuries BC. But a dagger with a direct crosshair and a crescent-shaped pommel found in the burial belongs to the 3rd – 1st centuries BC. Findings of a mirror, a spoon and a whorl also deserve special attention. On formal grounds a mirror belongs to the type “Skripkin 1.6” – with a flat disk without roll and stick in the form of a triangular stem. They appeared in Sauromatian time, but were not widespread. Most of these mirrors refer to the turn of the eras – the first centuries AD. However, in our view the mirror from Alebastrovo I has the greatest similarity with the mirror disks of the so-called “musical” mirrors, which date back to the 2nd half of the 4th century BC. The bone spoon belongs to the type I, peculiar of the Sauromatian-time things of the 6th – 4th centuries BC. However, the pattern is similar to that on the handle of the bone products of later time – the 3rd – 2nd centuries BC. Clay whorl has a pattern in the form of 4 sectors, decorated with grooves and pits. Analogies are available on this ornament spindles from the 3rd – 2nd centuries BC of the Kara-Abyz culture in the Southern Urals. According to the set of attributes, this burial mound dated to the second half of the 3rd – 2nd centuries BC. The finds from this burial mound confirm the conclusion of the first explorer B. F. Zhelezchikov about continuity of the development of the early nomadic culture of this region in the 6th – 3rd centuries BC.

Key words: early nomads, steppe, Southern Urals, burial rite, material culture, chronology.

УДК 903.5(574.11)

ББК 63.5(5Каз)

Дата поступления статьи: 18.03.2016

Дата принятия статьи: 30.08.2016

**КУРГАН 24 МОГИЛЬНИКА АЛЕБАСТРОВО I И ПРОБЛЕМА
ПРЕЕМСТВЕННОСТИ МЕЖДУ КУЛЬТУРАМИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ
ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ VI–IV И III–I вв. ДО НАШЕЙ ЭРЫ**

Денис Валерьевич Марыксин

Западно-Казакстанский областной центр истории и археологии, г. Уральск, Республика Казахстан

© Марыксин Д.В., Федоров В.К., 2017

Виталий Кимович Федоров

Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия, г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена одному из курганов могильника Алебастрово I, расположенного в среднем течении реки Урал. Анализ погребального обряда и вещевого материала позволил выявить сочетание признаков, присущих культуре ранних кочевников VI–IV вв. до н. э. и более поздних черт, характерных для III–I вв. до нашей эры. В частности, к ранним чертам относится коллективный характер захоронения в большой квадратной яме (погребение 2), типичный для конца V – IV в. до нашей эры. Однако находка в данном погребении кинжала с прямым перекрестьем и серповидным навершием указывает на принадлежность его периоду III–I вв. до нашей эры. Также заслуживают внимания находки зеркала, ложечки и пряслица. Зеркало по формальным признакам принадлежит типу «Скрипкин 1.6» – с плоским диском без валика и рукоятью в виде треугольного черешка. Они появились в савроматское время, но не получили широкого распространения. Большинство этих зеркал относится к рубежу эр – первым векам нашей эры. Однако мы считаем, что наибольшее сходство зеркало из Алебастрово I имеет с зеркальными дисками так называемых «музыкальных» зеркал, которые датируются 2 половиной IV в. до нашей эры. Костяная ложечка принадлежит к типу I, характерному для изделий савроматского времени VI–IV вв. до нашей эры. Однако орнамент на ее черенке аналогичен орнаменту на костяных изделиях более позднего времени – III–II вв. до нашей эры. Глиняное пряслице имеет орнамент в виде 4 секторов, декорированных бороздами и ямками. Аналогии этому орнаменту имеются на пряслицах III–II вв. до н. э. кара-абызской культуры Южного Приуралья. По совокупности признаков курган датирован нами 2-й половиной III – II в. до нашей эры. Материалы кургана подтверждают выводы первого исследователя могильника Б.Ф. Железничкова о непрерывности развития культуры ранних кочевников региона в VI–III вв. до нашей эры.

Ключевые слова: ранние кочевники, степи, Южный Урал, погребальный обряд, материальная культура, хронология.

Могильник расположен в Теректинском районе Западно-Казахстанской области Республики Казахстан, на второй надпойменной террасе левого берега реки Урал. В 1 км западнее комплекса расположен поселок Тонкерис, бывшая центральная усадьба совхоза «Долинский».

Впервые раскопки в данном могильнике были проведены в 1974 г. экспедицией Уральско-го педагогического института им. А.С. Пушкина под руководством Г.А. Кушаева и Б.Ф. Железничкова. Было раскопано 23 кургана. Обнаружены захоронения эпохи бронзы в курганах 2, 3, 5, 12, 19, 22 и погребения 2–9 в кургане 21. Все они датируются в пределах XVI–IX вв. до н. э. и свидетельствуют о своей синхронности со срубной культурой Нижнего Поволжья и алакульской культурой Зауралья и Казахстана. Следующая группа захоронений относится к савроматско-сарматской культуре. Захоронения этого времени обнаружены в кургане 1, 4, 10, 11, 13, 15, 16, 17, 18, 20, погребение 1 кургана 21, 23 [8].

В 2014 г. экспедицией Западно-Казахстанского центра истории и археологии были продолжены работы на данном могильнике. Был раскопан один курган.

Курган 24

Курган являлся самым западным в комплексе. Диаметр кургана – 20 м, высота – 0,7 м (рис. 1, I).

В насыпи обнаружены следующие находки:

1) в 2,55 м на В, 5,15 м на Ю в 1-м слое – фрагмент донца лепного сосуда;

2) в 1,4 м на Ю, 3,2 м на В в 1-м слое – фрагмент лепного сосуда;

3) в 0,8 м на С, 5,5 м на В во 2-м слое – 2 фрагмента тулова сосуда с отогнутым венчиком (рис. 1, I);

4) в 1,1 м на С, 6 м на В во 2-м слое – фрагмент точильного камня треугольной формы (рис. 1, 5);

5) в 2,6 м на З, 1,2 м на С во 2-м слое – круглое пряслице, изготовленное из стенки сосуда (рис. 1, 4), с примесью талька в тесте;

6) в 7,4 м на З, 3,4 м на Ю в 3-м слое – точильный камень (рис. 1, 6);

7) в 5,7 м на Ю, 2,2 м на З во 2-м слое – 2 фрагмента лепной керамики, среди которых один – венчик (рис. 1, 2);

8) в 4,4 м на Ю, 2,6 м на В в 1-м слое – фрагмент лепного сосуда;

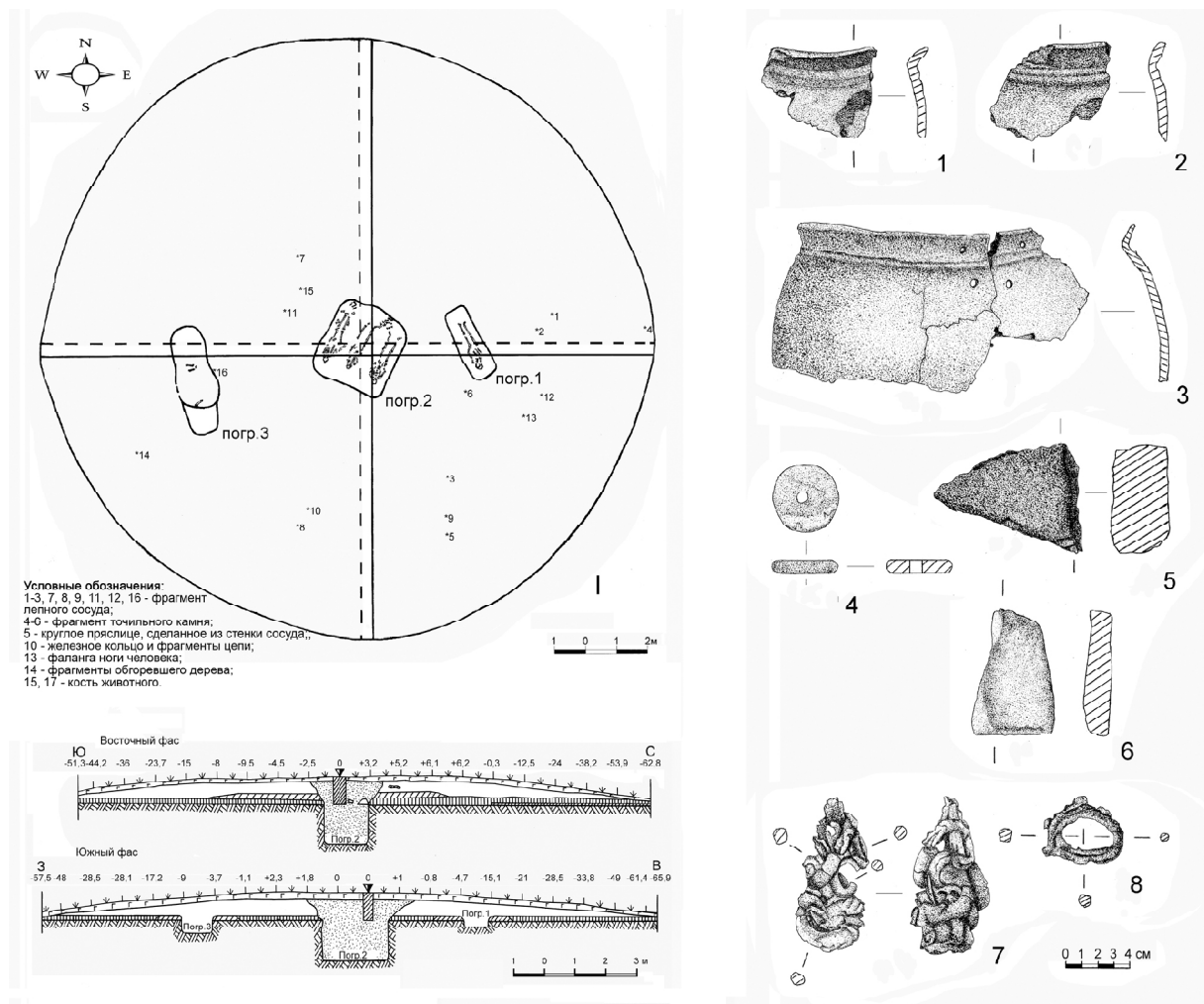

Рис. 1. Курган 24 могильника Алебастрово I:

I – план и профили разрезов кургана; 1–7 – находки в насыпи кургана;
1–3 – верхние части керамических сосудов; 4 – керамическое пряслице;
5–6 – точильные камни; 7–8 – фрагменты железной цепи

9) в 1,5 м на С, в бровке, два фрагмента сосуда с венчиком (рис. 1, 3);

10) в 2,2 м на Ю, 5,1 м на В в 3-м слое – железное кольцо, а рядом спекшиеся фрагменты цепи (рис. 2, 7,8);

11) в 1,4 м на С, 9 м на В во 2-м слое – фрагмент лепного сосуда;

12) в 6 м на Ю, 2,6 м на В в 1-м слое – фрагмент лепного сосуда;

13) в 1,87 м на З, 4,9 м на Ю во 2-м слое – фаланга ноги человека;

14) в 2,9 м на С, 2,2 м на З во 2-м слое – фрагменты обгоревшего дерева;

15) в 1,9 м на С, 2,1 м на З в 4-м слое – кость животного (тазовая?);

16) в 5,4 м на З, 1,6 м на Ю в 4-м слое – фрагмент керамики;

17) в 5,9 м на В, 1,5 м на Ю во 2-м слое – кость животного.

Обнаруженные в насыпи фрагменты керамики принадлежат не менее чем пяти сосудам.

Погребение 1

Расположено в могильной яме размером 2,4 × 0,9 м, в 3 м восточнее R₀. Погребенный расположен на глубине 120 см от R₀. Погребенный расположен вытянуто на спине, ориентирован головой на юго-восток. Череп погребенного расположен на затылочных костях, немного повернут на левый висок. Руки расположены вытянуто вдоль туловища, кисть правой руки расположена на правой половине

таза. Ноги вытянуты, слегка сближаясь в коленях. Кости кистей и стоп *in situ* отсутствуют (рис. 2, I). Из-за плохой сохранности костей скелета пол и возраст определить невозможно. Погребальный инвентарь представлен одним фрагментированным сосудом черного цвета без примесей в тесте, расположенным между правой стопы погребенного и северной стенкой могильной ямы.

Сосуд сильно фрагментирован, реставрация невозможна. На верхней части тулова имеется орнамент в виде одной линии, под которой расположены чередующиеся треугольники (рис. 2, I, I).

Погребение 2

Располагалось по центру кургана. Размер могильной ямы – 2,1 × 2,3 м. Западная и восточная стены ямы имеют уступы шириной 0,4–0,45 м и глубиной 0,25 м. На данных уступах располагалось деревянное перекрытие, большая часть которого упала на кости погребенных. Доски перекрытия расположены на западном и восточном уступах ямы. Наиболее хорошо сохранилась доска, расположенная на черепах погребенных. Ширина данной доски до 20 см, толщина до 5 см. Остальные доски перекрытия очень сильно истлели. В центральной яме в 0,2 м от южной стенки и в 0,2 м от западной стенки на глубине обнаружено острие меча (кинжала?) (рис. 3, I). Костяная ложка была обнаружена вертикально стоящей и прислоненной к западной стенке, в 0,25 м от южной стенки (рис. 3, 2). На фрагментах досок на глубине 1,65 м был обнаружен фрагмент ножа.

После расчистки досок внутри ямы было обнаружено три скелета погребенных (рис. 3, I).

Скелет 1 располагался в 0,2 м от восточной стенки ямы. Погребенный расположен вытянуто на спине, головой ориентирован на юго-запад. Череп расположен на теменной кости, с поворотом на правый висок. Кости рук вытянуты вдоль туловища таким образом, что кисти расположены возле тазовых костей. Кости кисти левой руки отсутствуют. В костях кисти правой руки обнаружен железный кинжал (рис. 3, 3). Длина кинжала – 25,2 см. Лезвие обоюдоострое, его длина – 15,5 см. Кинжал имеет прямое перекрестье и серпо-

видное навершие. Острие клинка обломано. Нижние конечности погребенного вытянуты. Кости ступней погребенного расположены в противоположные стороны. Из-за плохой сохранности костей скелета пол и возраст определить невозможно.

Скелет 2 располагался западнее скелета 1. Погребенный расположен вытянуто на спине, головой ориентирован на юго-запад. Череп расположен на основании, с небольшим поворотом против часовой стрелки. Кости рук вытянуты вдоль туловища таким образом, что кисти расположены возле тазовых костей. Кости кисти правой руки отсутствуют. Нижние конечности погребенного вытянуты. Ступни погребенного повернуты вправо. Из-за плохой сохранности костей скелета пол и возраст определить невозможно.

Под черепом погребенного обнаружено керамическое пряслице черного цвета без примесей в тесте. Диаметр пряслица – 3,2 см, толщина – 1 см. По центру пряслица имеет сквозное отверстие диаметром 0,5 см (рис. 3, 4). Одна сторона пряслица залощена.

На груди погребенного обнаружена выгнутая бронзовая пластина размером 6,7 × 4,9 × 0,3 см (рис. 3, 5).

На костях левой берцовой кости обнаружены бусины в количестве 4 штук. Бусины плохой сохранности (рис. 3, 6). Две бусины черного цвета, две – белые. Между ступнями 1 и 2 скелета расположены кости 2 особей полувзрослой овцы (плечевая кость одной особи и несколько костей второй – две лопатки, две лучевые, локтевая и плечевая)¹.

Скелет 3 расположен западнее скелета 2. Погребенный расположен вытянуто на спине, головой ориентирован на юго-запад. Череп расположен на левой височной кости. Кости рук вытянуты вдоль туловища таким образом, что кисти расположены возле тазовых костей. Правая рука слегка отставлена от тазовых костей, так как между ними расположен фрагмент бронзового зеркала в деревянном футляре. В футляре расположена нижняя половина зеркала диаметром 12,4 см. Зеркало в виде плоского диска с короткой ручкой (рис. 3, 7). Нижние конечности погребенного вытянуты. Ступни погребенного соприкасаются. Из-за плохой сохранности костей скелета пол и возраст определить невозможно.

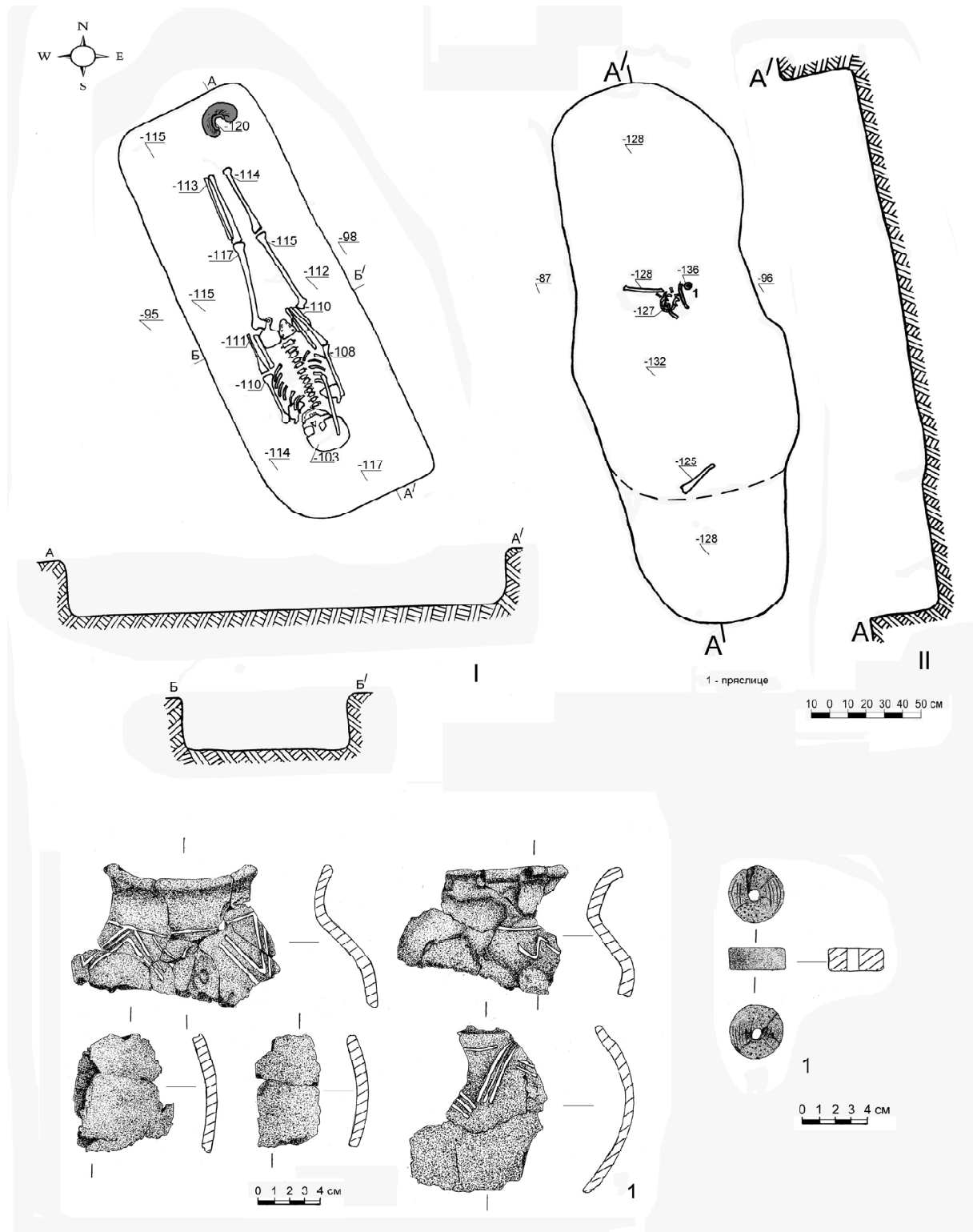

Рис. 2. Курган 24 могильника Алебастрово I, погребения 1 и 3:

I – погребение 1, план и профили разрезов; I – сосуд; II – погребение 3, план и профиль разреза;
 1 – керамическое пряслице

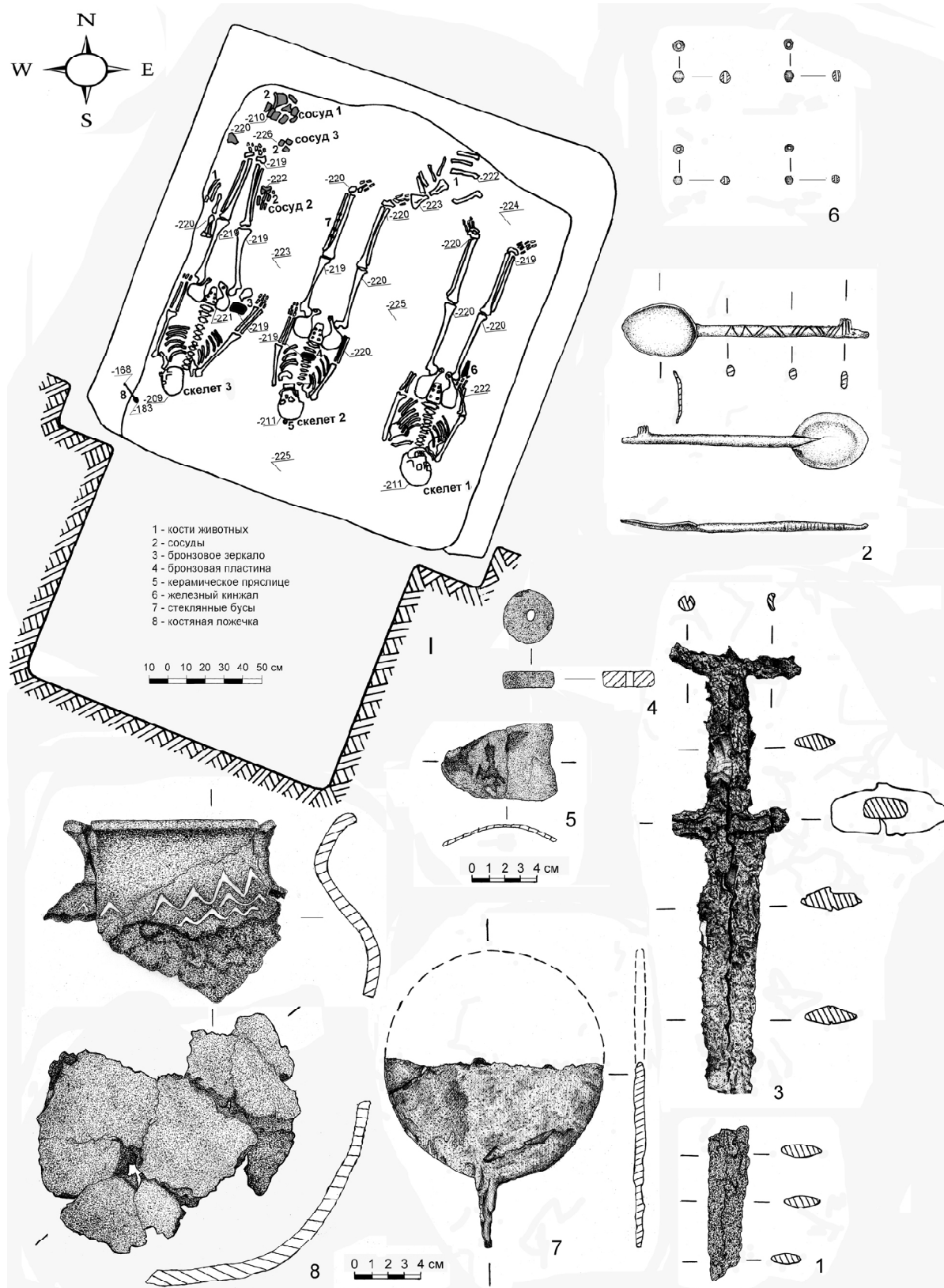

Рис. 3. Курган 24 могильника Алебастрово I, погребение 2:

1 – план и профиль разреза; 1 – фрагмент лезвия кинжала; 2 – костяная ложечка; 3 – железный кинжал;
 4 – керамическое пряслице; 5 – фрагмент бронзовой пластины; 6 – стеклянные бусы;
 7 – бронзовое зеркало; 8 – керамический сосуд

Между коленом правой ноги погребенного и западной стенкой могильной ямы располагаются в сочленении кости левой передней конечности овцы (без дистального отдела): локтевая, лучевая, лопатка и плечевая.

Между костями ступней погребенного и северной стенкой ямы расположен фрагментированный сосуд (сосуд 1) (рис. 3, 8), между которыми расположено несколько фрагментов другого сосуда (сосуд 2). Мелкие фрагменты еще одного сосуда расположены справа от берцовых костей погребенного (сосуд 3).

Между левой ступней погребенного и западной стенкой расположен один большой фрагмент керамики. Сосуды 1 и 2 черного цвета, сосуд 3 – красного. В тесте всех трех сосудов примесей не обнаружено.

Погребение 3

Погребение расположено в могильной яме размером $3 \times 1,2$ м, южная часть ямы имеет небольшой уступ размером $0,7 \times 0,8$ м. По центру ямы разбросаны человеческие кости (ребра, нижняя челюсть, кости стоп, локтевая кость и др.), лучевая кость лежит вблизи уступа (рис. 2, II).

Погребальный инвентарь представлен цилиндрическим керамическим пряслицем черного цвета с примесью талька в тесте. Параллельные плоскости орнаментированы следующим образом. Плоскости разделены на четыре равных сектора. Два противоположных сектора орнаментированы параллельными линиями в количестве 5–7 шт., два остальных сектора на каждой плоскости заполнены точками. Диаметр пряслица – 3,3 см, высота – 1,4 см. Пряслице по центру имеет сквозное отверстие диаметром 0,7 см (рис. 2, II, I).

Материалы кургана весьма своеобразны. Меч с прямым перекрестьем и серповидным навершием, найденный в центральной могиле, свидетельствует о принадлежности его прохоровской культуре. Однако не все детали погребального обряда и не весь инвентарь можно отнести к прохоровским. Бросается в глаза целый ряд ранних черт, более характерных для культуры ранних кочевников V–IV вв. до нашей эры.

Необычным, прежде всего, является центральное погребение 2, совершенное в

квадратной яме (размер $2,1 \times 2,3$ м), на дне которой находились три скелета. Подобные погребения достаточно обычны для V–IV вв., но не характерны для последующего периода. Проведенный А.С. Скрипкиным анализ сарматских погребальных памятников III–I вв. до н. э. (979 комплексов) показал, что данные признаки (квадратная могильная яма и коллективное погребение) относятся к тем, которые представлены значением менее 0,1 % или вообще не представлены [15, с. 179–181]. Но все же иногда такие погребения встречаются, как, например, комплекс из могильника Жарсуат I (кург. 2 погр. 4) в соседнем Бурлинском районе ЗКО. Здесь в широкой прямоугольной яме размером $2,8 \times 2,1$ м также было погребено 3 взрослых человека, уложенных в могилу вытянуто головой к югу [2, с. 59–61, рис. 43]. Характерный инвентарь, в который входили длинный меч с прямым перекрестьем и серповидным навершием и зеркало с валиком по краю и ручкой-штырьком, не оставляет сомнения в прохоровской принадлежности данного погребения и датировке его в пределах III–I вв. до нашей эры. Кроме широкой (почти квадратной) могильной ямы и коллективного характера захоронения, в этом комплексе имеется и еще одна ранняя черта: меч прохоровского типа уложен поперек бедер погребенных, что более характерно для погребений V–IV вв. до нашей эры [4, с. 100].

Зеркало по формальным признакам относится к типу «Скрипкин 1.6» – с плоским диском без валика и рукоятью в виде треугольного черешка. А.С. Скрипкин отмечает, что зеркала данного типа появились еще в савроматское время, но не получили широкого распространения. Большинство этих зеркал относится к рубежу эр – первым векам нашей эры. Их размерные характеристики: диаметр диска – в пределах 52–129 мм, длина ручки – 15–36 мм [16, с. 146]. В III–I вв. до н. э. они, по-видимому, неизвестны. Единственная аналогия этого времени – большое зеркало из Прохоровки (кург. «Б» погр. 3) [20, рис. 18, 12]. Мы полагаем, что алебастровое и прохоровское зеркала, по-видимому, не имеют отношения ни к ранним зеркалам савроматского времени типа «Скрипкин 1.6», ни к поздним. Савроматские зеркала имеют короткий черенок с закругленным кончиком,

либо вообще трапециевидную ручку [16, рис. 1, 1–4]. Поздние зеркала с диском небольшого размера и коротким клиновидным (иногда тоже с закругленным кончиком) или также трапециевидным штырьком [16, рис. 1, 5–15] относятся уже к среднесарматской культуре. Алебастровское зеркало по размеру сопоставимо с савроматскими зеркалами «Скрипкин 1.6», но оно гораздо больше среднесарматских того же типа. Самым большим среди всех является экземпляр из Прохоровки – диаметр диска 20,8 см, длина ручки – 7,5 см. Нам представляется правомерным сопоставление его с совсем иным типом зеркал. Размером и формой более всего он напоминает зеркальные диски так называемых «музыкальных зеркал» (если снять с них покрытые изображениями рельефные лицевые пластины) [12; 18, с. 86–100]. Лучшее из зеркальных дисков сохранилось у экземпляра из Мечетая (в то время как лицевая пластина – хуже всех). Он имеет размер 20 × 21 см, длину ручки – 10,4 см, то есть очень близок прохоровскому зеркалу. Диаметр зеркала из Алебастрово (14,5 см) совпадает с диаметром «музыкального зеркала» из Яковлевки (также 14,5 см) и близок диаметру зеркал из Рогозихи (15,1 см) и Локтя (14,3–14,4 см). Поскольку у всех «музыкальных зеркал» лицевые пластины скреплены с диском заклепками-штифтами, мы не имеем дело в Алебастрово и Прохоровке с «музыкальными зеркалами», лишенными лицевой пластины (следы штифтов сохранились бы). Может быть, это заготовки. По своей основной функции заготовки «музыкальных зеркал» ничем не хуже «комплектных» экземпляров с прикрепленной лицевой пластиной. Если мы правы, алебастровское и прохоровское зеркала должны рассматриваться не в одном ряду с ранними и поздними зеркалами типа «Скрипкин 1.6», а вместе с «музыкальными зеркалами», датирующимися в рамках IV в. до н. э., вероятно его второй половины [12, с. 84].

Ложечка из погребения 2 представляет значительный интерес. Типология ложечек предложена М.Г. Мошковой [10, с. 40–41], разделившей их на: I – собственно ложечки со стержнеобразной резко отделенной от черпачка ручкой, и II – лопаточки, плоская ручка которых плавно переходит в лопасть.

М.Г. Мошкова отметила также, что первый тип характерен для ранних погребений, второй же тип становится господствующим в позднепрохоровских древностях. Экземпляр из погребения 2 принадлежит к типу I, и это первый случай, когда подобная ложечка встречается в погребении с мечом прохоровского типа и зеркалом с рукоятью-штырьком. Плохо сохранившееся окончание рукояти может быть было зооморфным, как у многих ложечек савроматской эпохи. В то же время орнаментированный ствол черенка не характерен для ложечек VI–IV вв. до нашей эры. Единственный экземпляр, который можно привести как аналогию – ложечка из нижнедонского могильника Северный (кург. 2 погр. 3), длинный черенок которой украшен 11-ю косыми крестами [9, рис. 59, 2; 5, рис. 25, 14]. Хотя тип орнамента несколько другой, но способ нанесения тот же – глубокие прямые нарезки. Датируется погребение из Северного IV в. до нашей эры [9, рис. 34; 5, с. 75]. У ложечек II типа, которые относятся к III–I вв. до н. э., изредка встречаются орнаментированные черенки, но орнамент во всех случаях совсем другой – циркулярный. Нам известно три подобных экземпляра – в кург. 15 погр. 4 Старых Киришек на Южном Урале, кург. 31 погр. 1 Кривой Луки XIV в Нижнем Поволжье и в склепе 1 в 16 км к югу от колодца Чырышлы в Туркмении [1, рис. 502, 1; 13, рис. 6, 13; 19, рис. 9, 32].

Резной орнамент, состоящий из сгруппированных в разных сочетаниях косых наклонных линий, весьма характерен для такой группы костяных изделий ранних кочевников, как игольники. Это название условное, действительное назначение данных предметов неизвестно. Они представляют собой небольшие четырехгранные трубочки, каждая грань которых орнаментирована. В качестве примеров можно привести «игольники» из могильников Журавлиха (кург. 1 погр. 12) в Среднем Поволжье и Дыкылтас в Восточном Прикаспии [7, рис. 6, 10; 14, с. 161]. Погребения, в которых они найдены, датируются в пределах III–II вв. до нашей эры. Ложечка из Алебастрово, таким образом, принадлежит как бы к двум эпохам, по форме – к VI–IV вв., а по орнаменту черенка – к III–II вв. до нашей эры.

Пряслице из погребения 3, на обеих сторонах которого имеются одинаковые изобра-

жения, представляющие собой четыре сектора, заполненные попеременно линиями и точками, весьма необычно для культуры ранних кочевников Южного Урала. Единственная известная нам аналогия происходит из могильника Жарсуат I (кург. 2 погр. 1) [2, рис. 40, 8]. Данный орнаментальный мотив широко представлен на пряслицах кара-абызской культуры лесостепной Башкирии, найденных как в погребениях, так и на поселениях [6, рис. 2]. Немногие экземпляры, происходящие из погребений ранних кочевников, расположенных в среднем течении реки Белой – в Старых Кишках (кург. 12 погр. 1) и Бишунгарово (кург. 2 погр. 2) [17, с. 32–33, рис. 5, 6; 6, с. 40, рис. 2, 16²], являются, несомненно кара-абызскими. Пряслице из Алебастрово едва ли может быть кара-абызским. Находки в Старых Кишках и Бишунгарово объясняются непосредственными контактами оставившего данные могильники населения с кара-абызцами, от которых его отделяла только река Белая. Старые Кишки и Бишунгарово расположены на ее левобережье, а на противоположном правом берегу находятся крупнейшие памятники кара-абызской культуры Шипово и Охлебино (городища и могильники). Едва ли есть вероятность непосредственных контактов той группы кочевников, которая оставила могильник Алебастрово, с носителями культуры Кара-Абыз. Приходится предполагать, что алебастровское пряслице изготовлено по образцу тех кара-абызских экземпляров, которые оказались в кочевнической среде, тем более что последние все каменные, а алебастровское – керамическое, и более грубое по исполнению. Расцвет использования декорированных пряслиц в кара-абызской культуре приходится на III–II вв. до нашей эры [6, с. 41].

В свое время Б.Ф. Железчиков датировал материалы могильников Алебастрово I и II в пределах конца VI – начала III в. до н. э., подчеркивая, что «на данной территории развивалась одна материальная культура» [3, с. 299–301]. Материалы публикуемого кургана сочетают «савроматские» и прохоровские черты в погребальном обряде и инвентаре и могут быть датированы временным промежутком начиная от 2-й половины III в. до н. э. до II в. до н.э. включительно. Они свидетельствуют о том, что могильник Алебастрово I

продолжал функционировать и после начала III в. до н. э. без какого-либо перерыва.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Археозоологические определения выполнены Л.Л. Гайдученко, которому авторы выражают признательность.

² Известно только по публикации В.Г. Котова, в книге А.Х. Пшеничнока в описании данного комплекса не упоминается, нет и рисунка [11, с. 21, табл. X].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дворниченко, В. А. Отчет о раскопках курганов в Черноярском районе Астраханской области в зоне I очереди строительства Астрахано-Калмыцкой рисовой оросительной системы в 1975 году / В. А. Дворниченко, А. В. Куйбышев, Н. В. Малиновская, Г. А. Федоров-Давыдов // Архив ИА РАН. – Р-1. – № 5250в.
2. Железчиков, Б. Ф. Археологические памятники Уральской области / Б. Ф. Железчиков. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998. – 136 с.
3. Железчиков, Б. Ф. Сарматские погребения в могильнике Алебастрово I / Б. Ф. Железчиков // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. – Волгоград, 2000. – С. 294–308.
4. Клепиков, В. М. К проблеме выделения сарматских памятников III в. до н. э. / В. М. Клепиков // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. – Волгоград, 2000. – С. 97–106.
5. Клепиков, В. М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н. э. / В. М. Клепиков. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. – 216 с.
6. Котов, В. Г. Семантика пряслиц кара-абызской культуры раннего железного века Приуралья / В. Г. Котов // Уфимский археологический вестник. Вып. 10. – Уфа, 2010. – С. 36–55.
7. Кузнецов, П. Ф. Исследование могильника Журавлиха I / П. Ф. Кузнецов, В. Н. Мышкин // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6. – Волгоград, 2003. – С. 142–164.
8. Кушаев, Г. А. Отчет об археологических исследованиях в Уральской области за 1974 г. / Г. А. Кушаев, Б. Ф. Железчиков // Архив УОМ. – № 3247/41.
9. Максименко, В. Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону / В. Е. Максименко. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1983. – 224 с.
10. Мошкова, М. Г. Памятники прохоровской культуры / М. Г. Мошкова // САИ Д1-10. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 56 с., 32 табл.

11. Пшеничнюк, А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала / А. Х. Пшеничнюк. – М. : Наука, 1983. – 200 с.

12. Равич, И. Г. Индийское (?) бронзовое зеркало из кочевнического погребения IV в. до н. э. в Южном Приуралье / И. Г. Равич, С. В. Сиротин, М. Ю. Трейстер // ВДИ. – 2012. – № 4. – С. 63–93.

13. Садыкова, М. Х. Поздние прохоровцы в центральной Башкирии / М. Х. Садыкова, В. Н. Васильев // Уфимский археологический вестник. Вып. 3. – Уфа, 2001. – С. 55–80.

14. Самашев, З. Сокровища Устюрта и Манкыстау / З. Самашев, К. Кушербаев, Е. Аманашев, А. Астафьев. – Алматы : Изд.гр. ТОО «Археология», 2007. – 400 с.

15. Скрипкин, А. С. Анализ сарматских погребальных памятников III–I вв. до н. э. / А. С. Скрипкин // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II. Раннесарматская культура. – М. : ИА РАН, 1997. – С. 131–243.

16. Скрипкин, А. С. Эпизод из истории сарматских зеркал / А. С. Скрипкин // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время : сб. ст. к 70-летию А.Х. Пшеничнюка. – Уфа : Гилем, 2006. – С. 146–148.

17. Федоров, В. К. Курган 12 могильника Старые Кишишки / В. К. Федоров // Уфимский археологический вестник. Вып. 11. – Уфа, 2011. – С. 28–38.

18. Шульга, П. И. Могильник скифского времени Локоть-4 / П. И. Шульга. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 204 с.

19. Юсупов, Х. Древности Узбоя / Х. Юсупов. – Ашхабад : Ылым, 1986. – 224 с.

20. Яблонский, Л. Т. Прохоровка: У истоков сарматской археологии / Л. Т. Яблонский. – М. : Таус, 2010. – 384 с.

REFERENCES

1. Dvornichenko V.A., Kuybyshev A.V., Malinovskaya N.V., Fedorov-Davydov G.A. Otchet o raskopkakh kurganov v Chernoyarskom rayone Astrakhanskoj oblasti v zone I ocheredi stroitelstva Astrakhano-Kalmytskoj risovoy orositelnoy sistemy v 1975 godu [Report on the Excavations of Burial Mounds in Chernoyarskiy District of the Astrakhan Region in zone I of the first stage of Astrakhan-Kalmyk Rice Irrigation System Construction in 1975]. *Arkhiv IA RAN* [Archive of Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences], 1975, R-1, no. 5250v.

2. Zhelezchikov B.F. *Arkheologicheskie pamyatniki Uralskoj oblasti* [Archaeological Sites of the Uralsk Region]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 1998. 136 p.

3. Zhelezchikov B.F. Sarmatskie pogrebeniya v mogilnike Alebastrovo I [Sarmatian Burials in the

Alebastrovo I Burial Ground]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskij vestnik* [Lower Volga Archaeological Bulletin], 2000, iss. 3, pp. 294–308.

4. Klepikov V.M. K probleme vydeleniya sarmatskikh pamyatnikov III v. do n. e. [On the Problem of Allocating the Sarmatian Monuments of the 3rd Century BC]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskij vestnik*. [Lower Volga Archaeological Bulletin], 2000, iss. 3, pp. 97–106.

5. Klepikov V.M. *Sarmaty Nizhnego Povolzhya v IV–III vv. do n. e.* [The Sarmatians of the Lower Volga Region in the 4th–3rd Centuries BC]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2002. 216 p.

6. Kotov V.G. Semantika pryaslits kara-abyzskoy kultury rannego zheleznoogo veka Priuralya [The Semantics of Spindles of the Kara-Abys culture of the Early Iron Age of Transurals]. *Ufimskiy arkheologicheskij vestnik*, 2010, iss. 10, pp. 36–55.

7. Kuznetsov P.F., Myshkin V.N. Issledovanie mogilnika Zhuravlikha I [The Study of the Zhuravlikha I Burial Ground]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskij vestnik* [Lower Volga Archaeological Bulletin], 2003, vol. 6, pp. 142–164.

8. Kushaev G.A., Zhelezchikov B.F. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Uralskoj oblasti za 1974 g. [Report on Archaeological Research in the Uralsk Region for 1974]. *Arkhiv UOM*, 1974, no. 3247/41.

9. Maksimenko V.E. *Savromaty i sarmaty na Nizhnem Donu* [The Sauromatians and Sarmatians at the Lower Don]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rost. un-ta, 1983. 224 p.

10. Moshkova M.G. Pamyatniki prokhorovskoy kultury [Monuments of Prokhorovka Culture]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov* [A Set of Archaeological Sources], 1963, vol. D1–10. 56 p.

11. Pshenichnyuk A.Kh. *Kultura rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Culture of the Early Nomads of the Southern Urals]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 200 p.

12. Ravich I.G., Sirotnin S.V., Treister M.Yu. Indijskoe bronzovoe zerkalo iz kochevnicheskogo pogrebeniya IV v. do n. e. v Yuzhnom Priuralye [Indian Bronze Mirror from Nomadic Burials of the 4th Century BC in the Southern Urals]. *Vestnik drevney istorii*, 2012, no. 4, pp. 63–93.

13. Sadykova M.Kh., Vasilyev V.N. Pozdnie prokhorovtsy v tsentralnoy Bashkirii [Later Representatives of the Prokhorovka Culture in Central Bashkiria]. *Ufimskiy arkheologicheskij vestnik*, 2001, vol. 3, pp. 55–80.

14. Samashev Z., Kusherbaev K., Amanashev E., Astafyev A. *Sokrovishcha Ustyurta i Mankystau* [Treasures of Usturt and Mangistau]. Almaty, Arkheologiya Publ., 2007. 400 p.

15. Skripkin A.S. Analiz sarmatskikh pogrebalnykh pamyatnikov III–I vv. don. e. [Analysis of Sarmatian Funeral

Monuments of the 3rd-1st Centuries BC]. *Statisticheskaya obrabotka pogrebalnykh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii. Вып. II. Rannesarmatskaya kultura* [Statistical Analysis of the Funeral Monuments of Asian Sarmatia. Vol. II. Early Sarmatian Culture], Moscow, IARAN Publ., 1997, pp. 131-243.

16. Skripkin A.S. Epizod iz istorii sarmatskikh zerkal [An Episode from the History of Sarmatian Mirrors]. *Yuzhnyy Ural i sopredelnye territorii v skifo-sarmatskoe vremya: sb. st. k 70-letiyu A.Kh. Pshenichnyuka* [Southern Urals and Adjacent Areas in the Scytho-Sarmatian Time: Collection of Articles Devoted to the 70th Anniversary of A.Kh. Pshenichnyuk]. Ufa, Gilem Publ., 2006, pp. 146-148.

17. Fedorov V.K. Kurgan 12 mogilnika Starye Kiishki [12th Mound of the Old Kiishki Burial Ground]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik*, 2011, vol. 11, pp. 28-38.

18. Shulga P.I. *Mogilnik skifskogo vremeni Lokot-4* [The Lokot-4 Burial Ground of the Scythian Period]. Barnaul, Altay University Publ., 2003. 204 p.

19. Iusupov Kh. *Drevnosti Uzboya* [The Antiquities of Uzboy]. Ashkhabad, Ylym Publ., 1986. 224 p.

20. Yablonskiy L.T. Prokhorovka: U istokov sarmatskoy arkheologii [Prokhorovka: At the Origins of Sarmatian Archaeology]. Moscow, Taus Publ., 2010. 384 p.

Information about the Authors

Denis V. Maryksin, Senior Researcher, West-Kazakhstan Regional Centre of History and Archaeology, Prosp. Dostyk, 184, 090000 Uralsk, Republic of Kazakhstan, maryxin@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0275-5231>.

Vitaliy K. Fedorov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of General Scientific Disciplines, Academy of Economics, Law and Humanities (VEGU Academy), Mendeleeva St., 215/4, 450071 Ufa, Russian Federation, syyri@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0643-8268>.

Информация об авторах

Денис Валерьевич Марыксин, старший научный сотрудник, Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии, просп. Достык, 184, 090000 г. Уральск, Республика Казахстан, maryxin@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0275-5231>.

Виталий Кимович Федоров, кандидат исторических наук, доцент кафедры общенаучных дисциплин, Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (Академия ВЭГУ), ул. Менделеева, 215/4, 450071 г. Уфа, Российская Федерация, syyri@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0643-8268>.